

Цзинь Бухуань не уезжал далеко. Проведя несколько дней в мастерской по обжигу глиняных труб, он надеялся перевести дух, но из загородной усадьбы пришла ещё более ошеломляющая весть: педальный шелкомотальный станок, созданный господином Цзяном, снова усовершенствовали!

— Неужели это дело рук господина Цзяна? — Цзинь Бухуань обошёл вокруг массивного станка вышиной в шесть чи, удивлённо цокая языком. — С виду конструкция почти прежняя.

Обладавший острым слухом Чжао Чэн уловил его слова. Покосившись на гостя, он неторопливо пояснил:

— Ручной привод заменили педальным. Кроме того, господин уездный судья частично переработал распределение нагрузки и систему управления.

Они работали в совершенно разных областях, и какими бы точными терминами ни сыпал собеседник, Цзинь Бухуань всё равно мало что смыслил в тонкостях ткацкого дела.

Тогда Чжао Чэн перешёл на самый простой и доступный язык, не скрывая своего восхищения:

— Успешное усовершенствование педального шелкомотального станка означает, что эту же технологию можно применить и к ткацким станкам. Представь: если вместо человека на педаль будет давить речной поток, подобно водяному колесу? Течение станет приводить в движение педали, а те запустят весь механизм...

Он заворожённо, почти благоговейно созерцал грубоватый деревянный каркас станка, мысленно разбирая его на мельчайшие шестерёнки и рычаги. В его голове уже рождался план: перенести это решение на ткацкий станок, создав нечто невиданное.

У стоявшего рядом советника Линя дрогнуло сердце. Он ни на миг не сомневался, что Цзян Умянь разглядел те же перспективы — проницательность молодого судьи всегда поражала его. И всё же сам Цзян Умянь не проронил по этому поводу ни слова, будто намеренно обходя тему стороной.

Подавив вздох сожаления, советник Линь затаил этот вопрос до возвращения в уездную управу. Лишь оказавшись в тишине кабинета, он решился спросить напрямую.

Выслушав его, судья Цзян тяжело вздохнул. На его бледном лице отразились глубокая тревога и нерешительность.

Обдумав всё до мельчайших деталей и взвесив все «за» и «против», он медленно заговорил:

— До появления ручного шелкомотального станка каждая семья разматывала коконы вручную. С его созданием на смену чистому труду пришли механизмы. Но поскольку станков не хватало,

соседи объединялись в небольшие артели, пользуясь одним устройством по очереди.

С появлением новых инструментов неизбежно менялся и сам уклад производства.

Советник Линь слушал молча, пытаясь уловить скрытый смысл в рассуждениях судьи.

Цзян Умянь тем временем перешёл к самому главному:

— Если мы начнём стремительно внедрять эти станки и откроем крупные мастерские, те, кто веками кормился домашним прядением, потянутся туда на заработки. Производительность таких мастерских вырастет в разы, и наш уезд буквально завалит рынок дешёвым шёлком-сырцом.

Советник Линь украдкой взглянул на юношу. На его болезненно бледном лице не было и следа радости — лишь тень горьких и сложных раздумий.

— Господин уездный судья, разве изобилие шёлка-сырца — это не благо для уезда?

Советник Линь действительно искренне не понимал его тревоги.

Когда создавались мастерские по производству плугов для заливных полей, цемента, красного кирпича и бумаги, Цзян Умянь ни разу не испытывал подобного... подобного смятения.

«И благо, и проклятие одновременно...»

Он устало потёр переносицу, где залегла глубокая складка. Нынешняя ситуация в корне отличалась от прежних.

Плуг для заливных полей стоил слишком дорого, чтобы в один миг вытеснить привычный изогнутый плуг. Его влияние на старый уклад было постепенным, мягким.

То же касалось цемента и кирпича. Что же до бумаги, то её объёмы производства пока оставались скромными, а влияние на рынок — почти незаметным.

Но с шёлком всё обстояло иначе. Новая модель педального станка по себестоимости почти не отличалась от старой ручной, зато работала в два раза быстрее.

Это означало двукратный рост объёмов. Извечный закон «дешёвый хлеб разоряет пахаря» работал и здесь: избыток шёлка-сырца мог мгновенно обрушить цены.

А если воплотить в жизнь проект водяного ткацкого станка, предложенный Чжао Чэном, этот

процесс примет лавинообразный характер.

До советника Линя наконец дошла суть проблемы:

— Стоимость та же, а выход пряжи — вдвое больше, — пробормотал он, потрясённый этой мыслью. — Крупным торговым караванам больше не придётся собирать шёлк-сырец по крупицам у каждой семьи. Им будет достаточно заглянуть в одну большую мастерскую, чтобы забрать весь товар.

Работники в этих мастерских, несомненно, заживут безбедно, получая щедрую плату.

Но как быть тысячам простых семей, которые испокон веков выживали лишь за счёт того, что пряли шёлк дома и ждали купцов? Их заработок либо иссякнет вовсе, либо сократится до жалких крох.

Выходило, что ради процветания одних людей уезд обрекал на нищету других.

Советник Линь судорожно вздохнул. Схватив со стола пиалу с остывшим чаем, он осушил её залпом, но горечь напитка показалась ему ничем по сравнению с той горечью, что разлилась в его груди.

Теперь он взвешивал каждое слово с предельной осторожностью:

— Господин уездный судья, согласно недавней переписи, если брать в расчёт все виды крестьянских промыслов, почти у шестидесяти процентов жителей нашего уезда домашнее прядение и ткачество служат главным подспорьем.

Цзян Умянь ответил ровным, почти бесстрастным голосом:

— Именно. Шестидесят процентов. Причём для десяти из них это единственный источник пропитания, тридцать процентов выживают во многом благодаря ему, а для остальных двадцати это существенная прибавка к доходам от пашни.

Он слишком ясно видел последствия открытия централизованной мануфактуры.

Крупное производство завалит рынок дешёвой пряжей и тканями. Словно голодный тигр, ворвавшийся в чашу, оно сожрёт мелких ремесленников одного за другим, не оставив им ни единого шанса на выживание.

И первыми, под чьими ногами разверзнется эта пропасть, станут те самые бедняки, для которых ткацкий челнок был единственным спасением от голода.

Цзян Умянь взялся за кисть и написал письмо своему достопочтенному учителю. Он мучительно сомневался: стоит ли сначала пустить новые станки в народ и лишь со временем основывать мануфактуры, либо сделать это одновременно? В его послании не было ни капли личных эмоций — лишь сухие, но подробные выкладки и цифры, способные повергнуть в изумление любого чиновника.

В столь важном деле, затрагивающем судьбы тысяч людей, он не смел сделать ни шагу без совета наставника.

Едва получив письмо, префект Се Яньхан отложил неоконченные государственные дела. С крайне озабоченным видом он велел соправителю Чжао немедленно поднять все архивные отчёты о налогах, шелководстве и разведении шелкопряда префектуры за прошлые годы.

У соправителя Чжао по спине пробежал холодок, а на лбу выступила испарина. Сбор налогов всегда оставался делом тёмным и запутанным, а уж в префектуре Нанькан, где имелись соляные ведомства, вода была настолько мутной, что лучше было в неё не соваться.

«Неужели новый господин префект решил устроить показательную чистку среди казнокрадов, чтобы укрепить свою власть?»

Но тут Се Яньхан добавил:

— Сведения по остальным уездам пока терпят. Соберите отчёты по самой префектуре и уезду Шаоюань — всё, что касается шелковичных податей и производства шёлка за прошедшие годы. Принесите без промедления.

Соправитель Чжао мысленно перевёл дух.

— Прошу вас подождать немного, господин префект, — почтительно отозвался он. — Я сейчас же всё подготовлю.

Покинув малую гостиную, он припустил по коридору, проклиная в душе свою горькую долю. Надобно же было получить в начальники человека, который мечется от одной причуды к другой!

По пути ему попался прогуливающийся праздным шагом Дун Юй, и у соправителя Чжао кошки на душе заскребли от зависти.

Предыдущий префект лишился места, его советников упекли за решётку, и теперь, не считая присланного сверху начальства, они двое занимали самые высокие посты в префектуре.

И тот, и другой должны были радеть на благо префекта, но почему соправитель Чжао сбивал ноги в кровь, выполняя поручения, пока этот Дун прохлаждался без дела?

Подойдя к коллеге, он недовольно высказал:

— Брат Дун, ну ты только погляди! Стоило господину Се прибыть в префектуру, как он сразу умчался в Шаоюань. А теперь из-за какого-то письма оттуда заставляет меня крутиться белкой в колесе! Разве это... разве это порядок?

Ранее судья Дун и соправитель Чжао не раз за глаза обсуждали характер и повадки нового начальника, строя самые невообразимые догадки, однако к общему знаменателю так и не пришли.

На этот раз, выслушав сетования сотоварища, судья Дун самодовольно ухмыльнулся. С самым важным видом он неторопливо сдул чайники с поверхности горячего напитка.

Сделав глоток, он заговорщицки понизил голос:

— Эх, младший брат Чжао... Многого ты ещё не ведаешь.

Соправитель Чжао удивлённо прищурился и внимательно вгляделся в лицо собеседника.

— Неужели тебе что-то известно, брат Дун? — осторожно спросил он.

Тот с гордым видом кивнул:

— А как же. Тебе ведь известно, что твой покорный слуга на несколько лет старше тебя и в этих краях обосновался раньше. В своё время я немало отслужил помощником судьи в уезде Шаоюань. Своим нынешним положением я во многом обязан тамошнему названому отцу.

Соправитель Чжао прекрасно помнил об этом. Хотя сам он прибыл в Нанькан позже, за годы совместной службы он успел узнать, что Дун Юй благодаря связям своего названного отца втёрся в доверие к прежнему префекту и получил должность судьи префектуры Нанькан.

«Но при чём здесь давние дела и внезапный визит нового префекта в Шаоюань?»

«Впрочем, если подумать... связь действительно улавливалась».

Соправитель Чжао нахмурился, сопоставляя факты:

— Брат Дун, хочешь сказать, у префекта в Шаоюане свои люди? И его спешная поездка туда сразу после назначения — не просто прихоть, а визит к старому знакомому?

Далеко за примерами ходить не надо: и новоприбывший уездный судья Цзян, и генерал Сюэ,

что обосновался в местном гарнизоне, — оба вполне могли быть теми, кого искал Се Яньхан.

К тому же у них троих была одна приметная черта: все они явились с Севера, причём по личному указу Его Величества.

Если так, то всё сразу вставало на свои места.

Судья Дун торжествующе улыбнулся и покровительственно похлопал коллегу по плечу:

— Бери выше! У меня в уезде есть племянник, а у его младшего брата имеется близкий приятель среди тамошних мелких служащих. Он как раз дежурил у ворот управы, когда туда прибыл префект Се. И знаешь, что он видел? Стоило Цзян Умяню показаться на пороге, как он при всех склонился перед префектом и назвал его «достопочтенным учителем»!

«Достопочтенным учителем!»

В чиновничьем мире такое обращение без упоминания фамилии означало лишь одно: перед ними был не просто рядовой ученик или бывший студент, а личный преемник, прошедший особый обряд посвящения.

Эта новость ошеломила сопровителя Чжао. Оглядевшись по сторонам, он увлёк Дун Юя под своды безлюдной галереи и вкрадчиво прошептал:

— Как же это понимать? Учителя и ученика сослали в одну и ту же префектуру?!

Это не поддавалось никакой логике!

Опала — это не каторга, где всех осуждённых сваливают в одну кучу. Они по-прежнему оставались на государственной службе, облечённые властью императора.

Позволить двум столь близким людям оказаться в одном краю, где до столицы не докричаться — значит дать им возможность укрепить собственные позиции и создать местную клику. Какой тогда смысл в их наказании?

Судья Дун и сам терялся в догадках. Тем не менее из всего услышанного он вынес важное правило: во всём, что касается уезда Шаоюань, отныне следовало полагаться на решения самого префекта.

Подумать только: едва заступив на пост, господин Се первым же делом поспешил в Шаоюань, чтобы лично навестить своего воспитанника!

— Твоя правда, — закивал соправитель Чжао, расплывшись в благодарной улыбке. — Премного благодарен тебе за предостережение, брат Дун. В ближайшие же дни я устрою скромный ужин в твою честь, прошу тебя не отказывать мне в любезности и принять приглашение.

Получив столь ценный совет от судьи Дуна, соправитель Чжао взялся за дело с невиданным рвением, напроць забыв о прежней небрежности.

Разумеется, копаться в пыльных архивах самому ему не требовалось. Достаточно было проявить должное усердие перед взором начальства, приказать писарям разобрать свитки строго по годам и лично преподнести их префекту Се.

Лишняя услуга новому главе префектуры никогда не повредит — глядишь, и в будущем дела пойдут куда легче.

Се Яньхан взялся за управление префектурой с неиссякаемой энергией. Потратив декаду на детальное изучение дел в Нанькане и Шаоюане, он тщательно обдумал ответ и отправил письмо ученику.

Получив весточку, Цзян Умянь провёл без сна всю ночь, напряжённо размышляя над доводами учителя, а наутро у него уже был готов совершенно новый проект.

Мысль наставника была безупречна: если открыть достаточное количество мануфактур, потребность в рабочих руках возрастёт настолько, что простые ткачи не только не лишатся заработка, но и смогут извлечь из этого немалую выгоду.

— Нам понадобятся масштабные производства и огромное количество рабочих рук, — произнёс Цзян Умянь, разворачивая чертежи перед своими советниками.

От одного взгляда на исписанные убористым почерком листы у всех присутствующих разом разболелась голова.

И если советник Линь заранее морально подготовился к очередному витку реформ, то помощник судьи Чжоу побледнел как полотно, а Цзян Цю едва сдержался, чтобы не запустить в юного уездного судью увесистым гроссбухом. Лишь Чжао Чэн стоял поодаль, продолжая увлечённо бормотать под нос формулы и чертить схемы водяного ткацкого станка.

Советник Линь первым решил вернуть начальство с небес на землю:

— Господин уездный судья, вынужден напомнить, что прокладка глиняной канализации уезда в самом разгаре. Согласно вашим указаниям, рабочие должны укладывать трубы в кирпичные желоба, укреплять их цементом и лишь затем засыпать. Из-за чрезвычайной сложности этих работ у нас задействованы абсолютно все строительные артели уезда.

Намёк был более чем прозрачен: строительство новых мануфактур придётся отложить на неопределённый срок.

Весь Шаоюань стоял на ушах. Пытаясь воплотить в жизнь грандиозный проект Цзян Умяня по отводу сточных вод, землекопы принимались за работу на едва брезжившем рассвете. Не мешай им ночная темень, они наверняка трудились бы круглые сутки без сна и отдыха.

Неудивительно, ведь сезон дождей в Шаоюане стремительно вступал в свои права. Половину месяца уезд поливало то мелкой изморосью, то тропическими ливнями, а в оставшиеся дни небо то и дело разражалось внезапными грозами.

Успеть прорыть каналы до того, как хлынут настоящие потоки воды и превратят улицы в бурные реки, означало спасти дома от затопления и дать людям возможность спать спокойно.

Цзян Умянь уже открыл было рот, собираясь предложить созвать крестьян из окрестных деревень для возведения построек, но советник Линь безжалостно опередил его:

— Мало того, что все строители заняты, так ещё и учения ополченцев прерывать нельзя. А те немногие рабочие, что остались в деревнях, сейчас трудятся в мастерских по изготовлению удобрений — подходит время для подкормки полей.

— Вы ведь не станете отправлять женщин и молодых девушек таскать брёвна, класть кирпич и месить цемент под открытым небом?

Цзян Умянь промолчал. Ему нечего было возразить.

<http://bllate.org/book/19045/2005028>